ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-128-136

АЛИКБЕРОВ Султан Абдулхаликович,
преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: advocatesultan@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. *В статье исследуется формирующийся в доктрине и правоприменительной практике институт дистанционного соучастия в преступлении. Цель исследования – сформулировать понятие дистанционного соучастия, определить его признаки и выработать критерии отграничения от смежных уголовно-правовых институтов. Материалами исследования выступили нормы Уголовного кодекса Российской Федерации о соучастии, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, а также труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам соучастия и киберпреступности. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и логический методы научного познания, а также метод анализа судебной практики. В результате исследования установлено, что дистанционное соучастие представляет собой умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, при котором взаимодействие соучастников – сговор, координация, распределение ролей – осуществляется с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при территориальной разобщенности участников. Выделены объективные и субъективные признаки дистанционного соучастия, предложены критерии его отграничения от посредственного исполнения преступления, прикосновенности к преступлению, неосторожного сопричинения вреда, мнимого (неудавшегося) соучастия и эксцесса исполнителя. На основе анализа судебной практики выявлены основные проблемы квалификации дистанционного соучастия и предложены пути их решения. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и разъяснений высшей судебной инстанции. Полученные результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности, в практике квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также в образовательном процессе.*

Ключевые слова: *дистанционное соучастие; соучастие в преступлении; информационно-телекоммуникационные сети; сеть «Интернет»; организатор преступления; пособник; подстрекатель; посредственное исполнение; прикосновенность к преступлению; эксцесс исполнителя; квалификация преступлений.*

ALIKBEROV Sultan A.,
Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

REMOTE COMPLICITY IN CRIME: CONCEPT, FEATURES AND CRITERIA FOR DISTINGUISHING FROM RELATED INSTITUTIONS

Annotation. *The article examines the institution of remote complicity in crime that is being formed in doctrine and law enforcement practice. The purpose of the study is to formulate the concept of remote complicity, determine its features and develop criteria for distinguishing it from related criminal law institutions. The materials of the study were the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on complicity, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, reviews of judicial practice, as well as works of Russian and foreign scientists on the problems of complicity and cybercrime. The methodological basis was formed by formal-legal, comparative-legal, system-structural and logical methods of scientific cognition, as well as the method of judicial practice analysis. As a result of the study, it was established that remote complicity*

is a deliberate joint participation of two or more persons in the commission of a deliberate crime, in which the interaction of accomplices – conspiracy, coordination, distribution of roles – is carried out using electronic or information and telecommunication networks with territorial separation of participants. Objective and subjective features of remote complicity are highlighted, criteria for its distinction from mediate perpetration of a crime, involvement in a crime, negligent joint causation of harm, imaginary (failed) complicity and excess of the perpetrator are proposed. Based on the analysis of judicial practice, the main problems of qualifying remote complicity are identified and ways to solve them are proposed. Proposals for improving criminal legislation and clarifications of the highest judicial instance are formulated. The results obtained can be used in law-making activities, in the practice of qualifying crimes committed using information and telecommunication networks, as well as in the educational process.

Key words: *remote complicity; complicity in crime; information and telecommunication networks; the Internet; crime organizer; aider; instigator; mediate perpetration; involvement in crime; excess of the perpetrator; qualification of crimes.*

Стремительная цифровизация общественных отношений сопровождается качественными изменениями способов совершения преступлений. Использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», позволило участникам преступной деятельности взаимодействовать без непосредственного физического контакта: организатор и исполнитель, подстрекатель и пособник могут находиться в разных регионах и даже государствах, а координация их действий обеспечивается мессенджерами, электронной почтой, анонимными площадками в даркнете. Наибольшее распространение дистанционная модель соучастия получила в сфере незаконного оборота наркотических средств, мошенничества с использованием методов социальной инженерии, незаконного распространения вредоносных компьютерных программ и деструктивного контента.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, отсутствием в Уголовном кодексе Российской Федерации легального понятия дистанционного соучастия и, как следствие, неоднородностью доктринальных подходов к его определению; во-вторых, наличием устойчивых ошибок в квалификации действий соучастников, взаимодействовавших дистанционно; в-третьих, потребностью правоприменителя в четких критериях отграничения дистанционного соучастия от смежных уголовно-правовых институтов – посредственного исполнения преступления, прикосновенности к преступлению, неосторожного сопричинения вреда, мнимого соучастия и эксцесса исполнителя. Значимость темы подтверждается формированием официальной правовой позиции высшей судебной инстанции. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 прямо указано, что преступление, совершенное в соучастии, квалифицируется по признаку совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей [2, с. 3]. Тем не менее данное разъяснение касается преимущественно квалифицирующего признака, оставляя за рамками содержательную характеристику самого института дистанционного соучастия, его признаков и пределов.

Цель настоящего исследования – на основе анализа доктрины, законодательства и судебной практики сформулировать понятие дистанционного соучастия в преступлении, определить его признаки и предложить критерии отграничения от смежных институтов уголовного права, а также сформулировать пути совершенствования правового регулирования. Методологическую основу исследования составили: всеобщий диалектический метод познания; общенаучные методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение; частнонаучные методы – формально-юридический (толкование норм о соучастии), сравнительно-правовой (сопоставление подходов к пониманию дистанционного соучастия и смежных институтов), системно-структурный (выявление места дистанционного соучастия в системе институтов Общей части уголовного права), метод анализа судебной практики. Ограничением исследования является отсутствие официальной статистической информации о распространенности именно дистанционной формы соучастия, что компенсируется анализом опубликованных судебных решений и обобщений практики.

Легальное определение соучастия закреплено в статье 32 УК РФ: соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [1, ст. 32]. Традиционно в доктрине выделяются объективные признаки соучастия – количественный (участие двух и более лиц) и качественный (совместность деятельности), а также субъективные признаки – умышленный характер участия и участие в умышленном преступлении [3, с. 47; 4, с. 112; 5, с. 33]. Как справедливо отмечает М.И. Ковалев, совмест-

ность предполагает взаимную обусловленность действий соучастников, наличие причинной связи между действиями каждого из них и общим преступным результатом, а также внутреннюю (субъективную) связь – осведомленность о совместном характере деятельности и согласованность умыслов [3, с. 58]. Н.А. Бабий, в свою очередь, подчеркивает, что соучастие представляет собой особую форму преступной деятельности, при которой общественно опасное поведение каждого из соучастников является необходимым элементом единого преступного деяния [4, с. 134]. П.Ф. Тельнов обращает внимание на то, что субъективная связь между соучастниками является обязательным условием соучастия, поскольку только при наличии общего умысла действия нескольких лиц могут быть признаны совместными [5, с. 41]. С.А. Шатов дополняет, что совместность в соучастии имеет как объективный, так и субъективный аспекты, причем субъективный аспект заключается в осознании каждым участником того, что он действует не единолично, а совместно с другими лицами [6, с. 62].

Дистанционное соучастие не образует самостоятельной формы соучастия в смысле статьи 35 УК РФ, а характеризует особый способ взаимодействия соучастников. В научной литературе под дистанционным преступлением понимается общественно опасное деяние, совершаемое в условиях территориальной разобщенности между субъектом преступления и потерпевшим (объектом), при отсутствии между ними прямого физического контакта и при полной или частичной опосредованности преступных действий [22]. Применительно к соучастию дистанционный характер приобретает не столько способ выполнения объективной стороны, сколько механизм установления и поддержания связи между соучастниками. С учетом изложенного предлагается следующее авторское определение: дистанционное соучастие в преступлении – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, при котором сговор, координация действий, распределение ролей, склонение к преступлению либо содействие его совершению осуществляются с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в условиях территориальной разобщенности соучастников. Важно подчеркнуть, что дистанционный характер взаимодействия не изменяет юридическую природу соучастия: оно остается умышленным совместным участием в умышленном преступлении. Дистанционность влияет на квалификацию в двух аспектах: во-первых, при наличии соответствующего квалифицирующего признака (совершение преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»); во-вторых, на установление субъективной связи и объема умысла каждого соучастника, что порождает специфические доказательственные проблемы.

Дистанционное соучастие характеризуется совокупностью общих признаков соучастия и специальных признаков, отражающих дистанционный способ взаимодействия. Общие признаки соучастия включают: количественный признак – участие двух и более лиц, каждое из которых является субъектом преступления (достигло возраста уголовной ответственности и вменяемо) [1, ст. 32]; качественный (объективный) признак – совместность деятельности: действия соучастников взаимно обусловлены, дополняют друг друга и направлены на достижение единого преступного результата; между действиями каждого соучастника и этим результатом существует причинная связь [3, с. 62]; субъективный признак – умышленное участие: соучастник осознает общественную опасность своих действий и действий других участников, предвидит общий преступный результат и желает либо сознательно допускает его наступление [4, с. 134]; признак участия в умышленном преступлении – соучастие невозможно в неосторожных преступлениях и в преступлениях, совершенных по неосторожности [5, с. 41]. Специальные признаки дистанционного соучастия: территориальная разобщенность соучастников – исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник находятся в различных местах, нередко на территориях разных субъектов Российской Федерации или государств; опосредованность взаимодействия – связь между соучастниками обеспечивается исключительно (или преимущественно) через электронные или информационно-телекоммуникационные сети: мессенджеры, электронную почту, анонимные форумы, площадки даркнета [2, с. 3; 18, с. 44]; анонимизация участников – соучастники могут не знать друг друга лично, общаться под псевдонимами, использовать технические средства сокрытия личности, что затрудняет установление субъективной связи [8, с. 20]; сохранение двусторонней субъективной связи – несмотря на отсутствие личного контакта, соучастники осознают совместный характер деятельности; осведомленность о личности другого соучастника не является обязательным условием, однако осведомленность о совместности – обязательна [15, с. 5]; распределение ролей, зачастую специализированное – в дистанционных преступлениях формируются устойчивые ролевые модели: организатор (администратор интернет-магазина), оператор, «закладчик», «курьер», «дроппер», лицо, обеспечивающее информационное прикрытие [9, с. 22]. Как справедливо отмечает А.М. Ахатова, в условиях дистанционного взаимодействия особое значение приобретает уста-

новление факта осознания каждым участником совместного характера деятельности, поскольку анонимность и территориальная разобщенность создают иллюзию самостоятельности действий [7, с. 1086]. Особое значение для квалификации имеет признак осознания совместности. Как следует из обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, действия соучастников, направленные на сбыт наркотических средств, квалифицируются по признаку совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, если связь между ними в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей, при условии осознания каждым из них совместного характера деятельности [15, с. 4].

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные модели дистанционного соучастия и подходы судов к их квалификации. Наиболее распространенной сферой применения дистанционной модели соучастия является незаконный оборот наркотических средств. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 декабря 2022 г. № 37, по признаку совершения преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей квалифицируется и совершенное в соучастии преступление, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей (например, при незаконном сбыте наркотических средств обеспечивалась связь между лицом, осуществляющим закладку наркотических средств в тайники, и лицом, передавшим ему в этих целях наркотические средства) [2, с. 3].

Дистанционное соучастие активно проявляется и в сфере мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В ряде дел суды устанавливают, что соучастники, действуя дистанционно, распределяют роли: один приискивает банковские счета, другой переводит похищенные средства, третий обеспечивает их обналичивание. Важным аспектом таких дел является установление пределов ответственности соучастников при дистанционном взаимодействии. Суды нередко приходят к выводу, что в части сумм, превышающих согласованный объем, в действиях исполнителя имеет место эксцесс, за который другие соучастники уголовной ответственности не подлежат. Данный пример наглядно иллюстрирует проблему определения объема умысла соучастников при дистанционном взаимодействии, когда отсутствие личного контакта и ограниченность коммуникации повышают риск выхода исполнителя за пределы согласованного.

При дистанционном соучастии соучастники зачастую не знают друг друга лично, что создает дополнительные сложности для доказывания субъективной связи. Вместе с тем судебная практика демонстрирует и случаи, когда квалифицирующий признак использования электронных сетей не находит подтверждения. Суды исключают из квалификации действий подсудимых признак «с использованием электронных сетей», если фактически он не был установлен. Это указывает на необходимость тщательного доказывания каждого элемента дистанционного взаимодействия.

Проблема отграничения соучастия от смежных институтов традиционно относится к числу наиболее сложных в теории и практике уголовного права [6, с. 141]. Дистанционный характер взаимодействия создает дополнительные сложности в разграничении, поскольку внешние признаки отдельных деяний могут совпадать. В соответствии с частью 2 статьи 33 УК РФ исполнителем признается, в том числе, лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом [1, ст. 33]. Посредственное исполнение не является соучастием, поскольку отсутствует количественный признак – участие двух и более субъектов преступления [10, с. 152; 17, с. 121]. Как отмечает Н.В. Баранков, посредственное исполнение представляет собой такую конструкцию, при которой лицо, обладающее признаками субъекта преступления, использует для совершения преступления другое лицо, которое в силу закона не может быть признано субъектом преступления, и поэтому ответственность за содеянное несет только одно лицо [10, с. 152]. В дистанционных преступлениях грань между посредственным исполнением и соучастием приобретает особую остроту. Типичной является ситуация, когда организатор дистанционного мошенничества использует в качестве «дропперов» лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, либо невменяемых лиц. В этом случае организатор признается посредственным исполнителем, а его действия квалифицируются без ссылки на статью 33 УК РФ [8, с. 21]. Напротив, если «дроппер» или «закладчик» является вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, осознающим совместный характер деятельности, налицо соучастие: исполнитель выполняет объективную сторону, а организатор подлежит ответственности по части 3 статьи 33 УК РФ со ссылкой на статью Особенной части. Ключевым критерием отграничения выступает субъективный признак: осознавал ли используемый участник общественную опасность своих действий и совместный характер деятельности. Если такое осознание отсутствовало – имеет место посредственное исполнение; если присутствовало – со-

участие [10, с. 155].

Прикосновенность к преступлению – деятельность, связанная с преступлением, но не являющаяся соучастием: заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (статья 316 УК РФ), несообщение о преступлении, попустительство [11, с. 2]. Наиболее близко к соучастию примыкает укрывательство, которое в случае заранее данного обещания приобретает характер интеллектуального пособничества (часть 5 статьи 33 УК РФ) [11, с. 3]. Л.А. Рудой выделяет следующие критерии отграничения соучастия (пособничества) от прикосновенности: временной критерий – обещание укрыть преступника, орудия, следы или предметы, добытые преступным путем, данное до или во время совершения преступления, образует пособничество; деятельность, начавшаяся после окончания преступления, при отсутствии предварительного обещания – прикосновенность [11, с. 4]; причинно-следственный критерий – при соучастии действия пособника находятся в причинной связи с действиями исполнителя и преступным результатом; при прикосновенности такая связь отсутствует [11, с. 5]; субъективный критерий – соучастник осознает, что его содействие направлено на достижение общего преступного результата; прикосновенное лицо действует после завершения преступления и не разделяет умысел исполнителя [11, с. 6]. В дистанционных преступлениях особое значение приобретает установление момента обещания. Например, лицо, предоставившее после совершения дистанционного хищения криптовалютный кошелек для вывода похищенных средств, подлежит ответственности по статье 316 УК РФ, если обещание не было дано заранее. Если же такое обещание было дано до или во время совершения преступления, содеянное образует пособничество.

Неосторожное сопричинение вреда – совместное причинение вреда несколькими лицами по неосторожности – не является соучастием, поскольку соучастие возможно только в умышленном преступлении [5, с. 41]. Каждый из причинителей вреда несет самостоятельную ответственность за последствия своих действий. В дистанционных преступлениях проблема неосторожного сопричинения возникает, в частности, при использовании лиц, совершающих деяние по неосторожности. В доктрине обоснованно отмечается, что умышленное использование для совершения умышленного преступления лиц, причиняющих вред по неосторожности, должно квалифицироваться как посредственное исполнение [10, с. 151]. Критерием отграничения от соучастия выступает субъективное отношение используемого лица: соучастник действует умышленно и осознает совместность; лицо, причинившее вред по неосторожности, такого осознания не имеет.

Мнимое (неудавшееся) соучастие имеет место, когда деятельность лица, направленная на склонение другого лица к совершению преступления или на содействие ему, не достигает цели: склоняемое лицо отказывается от совершения преступления, либо подстрекатель или пособник ошибается относительно свойств субъекта, которым фактически совершается деяние [10, с. 155; 17, с. 123]. В соответствии с частью 5 статьи 34 УК РФ лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет ответственность за приготовление к преступлению [1, ст. 34]. В дистанционных преступлениях неудавшееся соучастие встречается достаточно часто: направленное через мессенджер предложение совершить преступление может быть отклонено адресатом; лицо, привлеченное в качестве «закладчика», может оказаться сотрудником правоохранительных органов, действующим в рамках оперативно-розыскного мероприятия. Критерием отграничения от оконченного соучастия выступает фактическое присоединение исполнителя к совместной деятельности. Если склоняемое лицо не совершило действий, образующих объективную сторону, либо не восприняло склонение, соучастие отсутствует, а действия склонявшего квалифицируются как приготовление к преступлению [13, с. 218]. В литературе отмечается отсутствие легального определения неудавшегося соучастия, при этом под ним понимается не только собственно неудавшееся соучастие, но и случаи, когда исполнитель дал согласие на совершение преступления, но не совершает его [13, с. 219].

В соответствии со статьей 36 УК РФ эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников; за эксцесс другие соучастники уголовной ответственности не подлежат [1, ст. 36]. Дистанционный характер взаимодействия затрудняет установление объема умысла соучастников: отсутствие личного контакта и ограниченность коммуникации повышают риск выхода исполнителя за пределы согласованного. Как показывает судебная практика, при дистанционном взаимодействии эксцесс исполнителя может заключаться в совершении действий, выходящих за пределы достигнутой дистанционной договоренности. Критерием отграничения выступает содержание достигнутой договоренности: если действия исполнителя выходят за пределы согласованного, налицо эксцесс; если дистанционная договоренность охватывала совершенные действия, соучастники отвечают в пределах общего умысла [14, с. 89].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие проблемы квалификации дистанцион-

ного соучастия. Проблема установления субъективной связи при анонимном взаимодействии: отсутствие личного контакта между соучастниками, использование псевдонимов и средств шифрования затрудняет доказывание осведомленности о совместном характере деятельности [8, с. 20]. Верховный Суд Российской Федерации ориентирует суды на необходимость установления умысла, содержания и общественной опасности соответствующих действий [2, с. 5], однако критерии такого установления применительно к дистанционному взаимодействию нуждаются в дальнейшей конкретизации. Как следует из судебной практики, наличие субъективной связи может устанавливаться через совокупность косвенных доказательств: согласованность действий, распределение ролей, использование единых каналов связи, обмен информацией, необходимой для совершения преступления. Проблема квалификации действий соучастников по признаку «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей»: согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, по указанному признаку квалифицируется и совершенное в соучастии преступление, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием таких сетей [2, с. 3]. При этом возникает вопрос о распространении данного признака на всех соучастников независимо от их роли. Представляется обоснованным подход, при котором признак вменяется каждому соучастнику, осознававшему использование сетей как способа взаимодействия [15, с. 4]. Вместе с тем судебная практика демонстрирует необходимость индивидуализированного подхода: квалифицирующий признак вменяется только тем соучастникам, которые осознавали использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей как способа взаимодействия. Проблема установления организатора дистанционного преступления: организатор, действующий дистанционно, может оставаться неизвестным иным соучастникам, что затрудняет его идентификацию и доказывание организаторской роли [7, с. 1088]. Практика выработала подход, согласно которому действия организатора квалифицируются по части 3 статьи 33 УК РФ без дополнительной квалификации как подстрекательство или пособничество, поскольку организация преступления охватывает эти функции [12, с. 2]. В судебной практике нередки случаи, когда уголовное дело в отношении неустановленного соучастника выделяется в отдельное производство. Это создает дополнительные сложности для полного и всестороннего расследования и квалификации действий всех участников преступления. Проблема территориальной подсудности: при дистанционном соучастии действия соучастников могут совершаться на территориях разных субъектов Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что местом совершения преступления является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава [2, с. 4]. Данный подход, однако, не в полной мере учитывает специфику дистанционных преступлений, где действия соучастников могут быть территориально разобщены и совершаться в разных юрисдикциях. Это порождает проблемы определения подсудности и координации деятельности правоохранительных органов различных субъектов. Проблема квалификации действий посредников (курьеров, дропперов): особую сложность представляет квалификация действий лиц, выполняющих вспомогательные функции в дистанционных преступлениях – курьеров, дропперов, закладчиков. В литературе справедливо отмечается, что спорным является признание пособничеством сбыта наркотических средств создание сетевых платформ теневого интернета [18, с. 56]. Судебная практика исходит из того, что лицо, осуществляющее закладку наркотических средств в тайники по указанию организатора, действующего дистанционно, признается соисполнителем преступления, поскольку его действия непосредственно входят в объективную сторону состава. При этом не имеет значения, знает ли закладчик личность организатора – достаточно осознания совместного характера деятельности.

В качестве путей решения выявленных проблем предлагается: законодательно закрепить в главе 7 УК РФ понятие дистанционного соучастия, дополнив статью 32 УК РФ частью второй следующего содержания: «Соучастие признается дистанционным, если сговор, координация действий, склонение к преступлению либо содействие его совершению осуществлялись с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при территориальной разобщенности соучастников». Такое закрепление позволит унифицировать подходы к квалификации дистанционного соучастия и устранить существующие доктринальные разногласия. Предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 разъяснениями: о критериях установления субъективной связи соучастников при дистанционном взаимодействии, в том числе при использовании анонимных каналов связи; о критериях отграничения дистанционного соучастия от посредственного исполнения преступления и прикосновенности к преступлению применительно к типичным ролевым моделям («организатор – оператор – закладчик – дроппер»); о том, что квалифицирующий признак «с использованием электронных или информационно-телекоммуникаци-

онных сетей» вменяется каждому соучастнику, осознававшему использование сетей как способа взаимодействия, независимо от выполняемой роли; о порядке определения территориальной подсудности при дистанционном соучастии, когда действия соучастников совершаются на территориях разных субъектов Российской Федерации. Предлагается использовать положительный зарубежный опыт противодействия организованной киберпреступности, включая механизмы международного сотрудничества и технического сопровождения расследования [19; 20; 21]. В частности, заслуживает внимания опыт стран Европейского союза по созданию специализированных подразделений по расследованию киберпреступлений и механизмов оперативного обмена информацией между правоохранительными органами различных государств. Предлагается разработать и внедрить специализированные методики расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, учитывающие специфику дистанционного соучастия: анонимность участников, использование шифрованных каналов связи, территориальную разобщенность.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Дистанционное соучастие в преступлении – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, при котором сговор, координация действий, распределение ролей, склонение к преступлению либо содействие его совершению осуществляются с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в условиях территориальной разобщенности соучастников. Дистанционное соучастие не является самостоятельной формой соучастия, а характеризует способ взаимодействия соучастников. Дистанционное соучастие обладает совокупностью общих признаков соучастия (количественный, качественный, субъективный, участие в умышленном преступлении) и специальных признаков: территориальная разобщенность соучастников; опосредованность взаимодействия через электронные или информационно-телекоммуникационные сети; анонимизация участников; сохранение двусторонней субъективной связи; специализированное распределение ролей. Критериями отграничения дистанционного соучастия от смежных институтов выступают: от посредственного исполнения – субъективный критерий осознания используемым лицом совместного характера деятельности и наличия у него признаков субъекта преступления; от прикосновенности – временной, причинно-следственный и субъективный критерии (момент обещания, наличие причинной связи, осознание общего умысла); от неосторожного сопричинения – умышленный характер участия; от мнимого (неудавшегося) соучастия – фактическое присоединение исполнителя к совместной деятельности; от эксцесса исполнителя – содержание достигнутой дистанционной договоренности. Анализ судебной практики показывает, что дистанционное соучастие наиболее распространено в сфере незаконного оборота наркотических средств, где формируются устойчивые ролевые модели дистанционного взаимодействия. Суды при квалификации дистанционного соучастия исходят из необходимости установления осознания каждым участником совместного характера деятельности, что может доказываться через совокупность косвенных доказательств: согласованность действий, распределение ролей, использование единых каналов связи. Проблемы квалификации дистанционного соучастия обусловлены анонимностью взаимодействия, сложностью установления субъективной связи, трудностью идентификации организатора и определения территориальной подсудности. Путями их решения являются законодательное закрепление понятия дистанционного соучастия, конкретизация разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, использование положительного зарубежного опыта и совершенствование методики расследования дистанционных преступлений. Правоприменителю при квалификации дистанционного соучастия следует исходить из того, что дистанционный характер взаимодействия не изменяет юридическую природу соучастия и не освобождает от необходимости установления всех его признаков, прежде всего осознания совместного характера деятельности каждым участником. Квалифицирующий признак совершения преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей подлежит вменению каждому соучастнику, осознававшему использование сетей как способа взаимодействия.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Российская газета. 2022. 27 декабря.

[3] Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.

[4] Бабий Н. А. Соучастие в преступле-

нии: формы, виды, ответственность. М.: Юрлитинформ, 2015. 744 с.

[5] Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. 208 с.

[6] Шатов С. А. Соучастие в преступлении : учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2024. 224 с.

[7] Ахатова А. М. Проблемы определения и законодательной регламентации «других обстоятельств», предусмотренных в ч. 2 ст. 33 УК РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, № 6. С. 1084–1091.

[8] Ахатова А. М. Спорные проблемы теории и практики соучастия в преступлении // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 18–23.

[9] Марченко О. В. О дистанционном похищении людей // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11. С. 19–28.

[10] Баранков Н. В. Посредственное исполнение преступления // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 146–157.

[11] Рудой Л. А. Отграничение прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 118–123.

[12] Савельев Д. В. Соучастие в преступлении. Преступная группа : учебное пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2022. 138 с.

[13] Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2006. 364 с.

[14] Субачев А. К. Соучастие в преступлении в Особенной части УК РФ. М. : Юрлитинформ, 2021. 256 с.

[15] Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 10.

[16] Унукович А. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 278–280.

[17] Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.

[18] Бубнова С. А. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : магистерская диссертация. Тамбов, 2025. 98 с.

[19] Clough J. Principles of Cybercrime. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 449 p.

[20] Wall D. S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity Press, 2007. 276 p.

[21] Kadish S. H. Complicity, Cause and Blame: A Study in the Interpretation of Doctrine // California Law Review. 1985. Vol. 73, No. 2. P. 323–410.

[22] Понятие и признаки дистанционных преступлений // Научная сеть. 2024. URL: https://scinetwork.ru/articles/32919 (дата обращения: 31.08.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. December 27.

[3] Kovalev M.I. Complicity in a crime. Yekaterinburg: Publishing House of UrGUA, 1999. 204 pp.

[4] Babiy N. A. Complicity in a crime: forms, types, responsibility. M.: Yurlitinform, 2015. 744 p.

[5] Telnov P.F. Responsibility for complicity in a crime. M.: Legal literature, 1974. 208 pp.

[6] Shatov S. A. Complicity in a crime: a textbook. 2nd ed. St. Petersburg: Legal Center Press, 2024. 224 pp.

[7] Akhatova A. M. Problems of determining and legislative regulation of "other circumstances" provided for in Part 2 of Art. 33 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of Udmurt University. "Economics and Law" series. 2025. VOL. 35, NO. 6. S. 1084-1091.

[8] Akhatova A.M. Controversial problems of the theory and practice of complicity in a crime // Novels of the legislation of the criminal cycle and their reflection in the criminal law sciences: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. S. 18-23.

[9] Marchenko O. V. On remote kidnapping // Actual problems of Russian law. 2024. № 11. S. 19-28.

[10] Barankov N.V. Mediocre execution of a crime // Leningrad Law Journal. 2005. № 3. S. 146-157.

[11] Rudoy L. A. Delimiting touch to a crime from complicity in a crime in Russian criminal law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of

Internal Affairs of Russia. 2011. № 6. S. 118-123.

[12] D.V. Savelyev. Complicity in a crime. Criminal group: a textbook for universities. 2nd ed. M.: Yurayt, 2022. 138 pp.

[13] A. A. Arutyunov. Complicity in a crime under the criminal law of the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08. M., 2006. 364 pp.

[14] Subachev A.K. Complicity in a crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. M.: Yurlitinform, 2021. 256 s.

[15] Review of judicial practice in cases of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.06.2024 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2024. № 10.

[16] A. S. Unukovich. The concept of crimes committed using information and telecommunication technologies // Public Service and Personnel. 2021. № 4. S. 278-280.

[17] Trainin A.N. Corpus delicti under Soviet criminal law. M.: Gosyurizdat, 1951. 388 pp.

[18] Bubnova S. A. Complicity in crimes committed in the field of information and telecommunication technologies: master's thesis. Tambov, 2025. 98 pp.

[19] Clough J. Principles of Cybercrime. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 449 p.

[20] Wall D. S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity Press, 2007. 276 p.

[21] Kadish S. H. Complicity, Cause and Blame: A Study in the Interpretation of Doctrine // California Law Review. 1985. Vol. 73, No. 2. P. 323–410.

[22] Concept and signs of remote crimes // Scientific network. 2024. URL: https://scinetwork.ru/articles/32919 (access date: 31.08.2026).

